

МОДЕРАТ ИЗ ГАДИРЫ

ФРАГМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Е. В. АФОНАСИН

Немногочисленные свидетельства о Модерате и фрагменты из его сочинений представляют большой интерес для истории неопифагореизма. Имя Модέρατος (Μοδεράτου и др.) в TLG (<http://www.tlg.uci.edu>) встречается 18 раз: у Плутарха (1), Порфирия (3), Евсевия (1), в Лексиконе *Суды* (1), у Стобея (3), Прокла (1), Сириана (2), Симпликия (2), Либания (2), Стефана Грамматика (1) и Фотия (1), дублируясь в составе свидетельств об «Архите» и «Гипархе» (в обоих случаях очевидная псевдопифагорика) и у Евсевия и Суды, которые цитируют Порфирия. Из оставшихся 15 случаев только 7 сообщают содержательную информацию, во всех остальных случаях Модерат лишь упоминается, а у Фотия это имя просто перечисляется в алфавитном списке имен. За исключением иначе неизвестного корреспондента Либания (письма 1056 и 1058, ed. R. Foerster) по-видимому, военного, и латинского писателя, автора трактата *О сельском хозяйстве* (*De re rustica*) Луция Юния Модерата Колумеллы (Lucius Junius Moderatus Columella), также жившего в I в. н. э., других Модератов в античных источниках не упоминается. Рассмотрим эти свидетельства по-порядку.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

1. РОДНОЙ ГОРОД МОДЕРАТА упоминается в *Этнике* (р. 193, 9–15 Meineke) Стефана Византийского. Γάδερα, как сообщается, представляет собой город на острове у Океана, отделенный от суши узкой полоской земли и горной цепью, причем, согласно Эратосфену, название города женского рода. Жителей города называют Гадиритами (как у Александра Полигистора), Гадиреями, Гадирянами, или из Гадиреи и т. д. Именно из этого города был родом Модерат, написавший *Лекции о пифагореизме* в пяти книгах:

«Γάδερα, πόλις καὶ νῆσος ἐν τῷ ὠκεανῷ στενῇ καὶ περιμήκῃ, ὡς οὖσα ταῖνα τῆς γῆς δεῖρά. Ἐρατοσθένης δὲ ἡ Γάδειρος φησὶ θηλυκῶς. ὁ πολίτης Γαδειρεύς· οὕτω γὰρ τὰ πέντε βιβλία ἐπιγράφεται τῶν Πυθαγορικῶν σχολῶν Μοδεράτου Γαδειρέως. λέγεται καὶ Γαδειρίτης, ὡς Ἀλέξανδρος ὁ πολυίστωρ. λέγεται καὶ Γαδειραῖος ὡς ἀπὸ τῆς ἡ Γάδειρα εὐθείας, καὶ Γαδειρανοί, καὶ κτητικὸν Γαδειρικός».

Географическое сообщение соответствует действительности. Расположенный на атлантическом побережье Испании к западу от мыса Трафальгар в одноименном заливе на выходе из Гиблартара, город Кадис (Cadíz; древние названия: Гаддир, Гадес, Гадейра, Гадира) был основан финикийцами ок. 1100 г. до н. э., спустя некоторое время перешел во власть карфагенян, а затем римлян (после Второй пунической войны). Он расположен на острове (совр. название Леон) и отделен от суши узким каналом. Утесы с севера, запада и юга и песчаные отмели с северо-востока превращали остров в неприступную крепость. Не очень известный в античности, город играл важную роль в Средние века, особенно возвысившись с открытием Америки, так как сюда приходили корабли с ценными грузами. Современный Кадис по-прежнему остается важным торговым городом Испании, а также туристическим и культурным центром.

2. ЖИЛ МОДЕРАТ В ПЕРВОМ ВЕКЕ Н. Э., если верить Плутарху, который в *Застольных беседах* (728 В) выводит «ученика Модерата по имени Лукий, родом из Этрурии». Этот литературный персонаж был агрессивным пифагорейцем, отказывающимся толковать символы, что, как замечает Диллон (см. выше), может отражать взгляды самого Модерата. Похоже, это подтверждается и сообщением Порфирия (см. ниже, фрагмент 1). Как бы там ни было, это сообщение интересно прежде всего потому, что позволяет датировать время жизни Модерата, так как Плутарх описывает пир, данный в его честь его римским другом Секстом Суллой в 90-е годы. Так что Модерат жил в I в. н. э., а значит, был примерным современником «пифагорейца» Аполлония Тианского.

3. Сообщение о СОЧИНЕНИИ Модерата проблематично. По словам Порфирия (*Жизнь Пифагора* 48, 1), оно состояло из 11 (или 10) книг (написание варьируется: ἐν ἑνδεκά, ἑνδεκά или ἐν δέκα; cf. Des Places 1982: 59), а не из пяти, как говорит Стефан. Однако, в отличие от Стефана, Порфирий не сообщает названия. Касательно объема сочинения естественно предположить, что Порфирий был лучше информирован о Модерате, что же касается названия, то оно достаточно стандартно – Πυθαγορικά ἰσχυοῦσα (ученые записки на досуге, упражнения, ср. выражение Плутарха, также в пифагорейском контексте: ἀκούσματα καὶ ἰσχυοῦσα, акузмы и упражнения, возможно, ученая беседа).

4. МЕСТО МОДЕРАТА В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ хорошо иллюстрируют два сообщения Порфирия. В *Жизни Плотина* он дважды повторяет одну и ту же мысль (20, 74 и 21, 6). В первом случае Порфирий цитирует сочинение Лонгина *О пределе*, посвященное Плотину и Амелию Гентилиану: «Плотин... достиг в разработке платоновских и пифагорейских идей большей ясности, нежели была до него, существенно превзойдя тщательностью своих сочинений Нумения и Крония, Модерата и Трасилла; второй же, следуя за ним и занимаясь тем же самым, основное внимание уделял деталям, особенно усердно и в полную противоположность своему учителю, оттачивая слог...». Несколькими строками ниже Порфирий пересказывает то же самое, несколько смещая акценты: «Плотин и Амелий превосходили современников разнообразием рассматриваемых

тем и степени оригинальности их рассмотрения; не одобряя при этом учений Нумения и не присваивая их, они следовали скорее пифагорейцам и Платону, так что сочинения Нумения, Крония, Модерата и Трасилла существенно уступают трудам Плотина... а Амелий, следуя за Платином, особенно усердно и в полную противоположность своему учителю, оттачивал слог...».

В сочинении Порфирия *Против христиан* (фр. 39 Harnack), которое цитирует Евсевий (*Церковная история* VI 19, 8, 1–4) и, с небольшими вариациями, *Суда* (Ω 182, 5–10, p. 1916 Adler), Модерат причисляется к известным пифагорейцам:

«... он [Ориген] постоянно изучал Платона и занимался сочинениями Нумения и Крония, Аполлофана и Лонгина, а также Модерата, Никомаха и других знаменитых пифагорейцев; пользовался он и книгами Херемона Стоика и Корнута; научившись у них фигуральному толкованию греческих мистерий, он применил эти знания к иудейским писаниям».

«... συνῆν τε γὰρ ἀεὶ τῷ Πλάτωνι, τοῖς τε Νομηγίου καὶ Κρονίου Ἀπολλοφάνους τε καὶ Λογγίνου καὶ Μοδεράτου Νικομάχου τε καὶ τῶν ἐν Πυθαγορείοις ἐλλογίμων ἀνδρῶν ὁμίλει συγγράμμασιν, ἐχρήτο δὲ καὶ Χαϊρήμονος τοῦ Στωϊκοῦ Κορνούτου τε ταῖς βίβλοις, παρ' ὧν τὸν μεταληπτικὸν τῶν παρ' Ἑλλήσιν μυστηρίων γνοῦς τρόπον ταῖς Ἰουδαϊκαῖς προσῆψεν γραφαῖς».

Очевидно, что к «известным пифагорейцам» Порфирий относит только Модерата и Никомаха, в то время как Нумений и Кроний (они всегда упоминаются вместе, см. подробнее гл. 3) – это скорее платоники, также как и Лонгин. Об Аполлофане известно немного: он был родом из Антиохии и учился у Стоика Аристана из Хиоса (начало III в. н. э.). Херемон и Корунт известны лучше. Первый был историком и библиотекарем Серапиона в Александрии в I в. н. э., а затем переехал в Рим и стал учителем Нерона. Он писал о египетской истории и кометах (упоминается у Оригена, *Против Кельса* I 59; cf. Horst 1984). Второй был известным римским стоиком, также времен Нерона. Его сочинение «Краткое изложение традиционного греческого богословия» частично сохранилось (см. Most 1989; Позднев 2003).

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ УЧЕНИИ

5. Прокл упоминает Модерата по имени лишь один раз – в *Комментарии на Тимей* (III 19, 5–9; vol. 2, p. 476, 7–12 Diehl; Baltzly 2007, 62; cf. Tarrant 2006, 38), говоря следующее:

«Оставим в стороне все те средние величины, которые ввели недавние авторы, – я имею в виду Никомаха, Модерата и им подобных, – и сосредоточимся вместо этого на тех трех средних, о которых сейчас идет речь и из которых Платон составил душу, – арифметической, геометрической и гармонической пропорциях, ведь легко видеть, как все они могут быть порождены из равенства в соответствии со следующими правилами...»

«ἵνα γὰρ παρῶμεν <μὲν> τὰς ἄλλας μεσότηας, ἃς οἱ νεώτεροι προστιθέασι, τοὺς Νικομάχους λέγω, τοὺς Μοδεράτους καὶ εἴ τινας ἄλλοι τοιοῦτοι, περὶ δὲ τῶν τριῶν τὰ νῦν μεσοτήτων εἴπωμεν, ἀφ' ὧν καὶ ὁ Πλάτων ὑφίστησι τὴν ψυχὴν, ἀριθμητικῆς, γεωμετρικῆς, ἀρμονικῆς, ἕξεστι καθορᾶν, ὅπως ἀπὸ τῆς ἰσότητος αὐταὶ πᾶσαι γεννῶνται διὰ τῶνδε τῶν προσταγμάτων».

И действительно, в своем *Введении в арифметику* Никомах говорит о десяти средних (см. II 22.1), в то время как Ямвлих в своем *Комментарии на Никомахову арифметику* (100.19–25 Pistelli) говорит, что лишь три из них древние. Так что источник Прокла понятен. Нам важно, что в этой же связи упоминается и Модерат. Мы не знаем, имел ли Прокл (или Ямвлих) доступ к его сочинению, однако ясно, что по традиции ему также приписывают определенные достижения в пифагорейской математике.

6. Нечто подобное говорит и Сириан в своем *Комментарии на Метафизику Аристотеля* (Syrian. *In Met.* CAG 6.1 p. 151, 14–22 Kroll; Mullach 2 p. 117, Nolle fr. 67, p. 58). Ср. также Stobaeus I 41, 2; пер. Dillon-O'Meara 2008, 124; об Архите: Huffman 2005, 597; Thesleff 47, 27–48, 2.

«Как и ты проводишь различие и говоришь, что форма и общее неделимы в мышлении (κατὰ λόγον: по определению), а элемент – во времени (κατὰ χρόνον), потому что время возникновения всех вещей начинается отсюда, так же и они, по-твоему, полагают, как и ты задавая вопрос: “Что есть единое? Правящее начало (τὸ ἀρχηγικὸν) или же мельчайший элемент при разделении на части (τὸ ὡς ἐν μορίοις ἐλάχιστον)?” Но поскольку они в целом различают между единым и монадой, о чем много рассуждали и древние пифагорейцы, как, например, Архит, который говорит, что “будучи подобными они отличаются друг от друга”, а из недавних – Модерат и Никомах, то чего ради мы совершаем этот прыжок от монады к единому, если только не желаем сделать их воззрения еще более труднодостижимыми?»

«Ὡσπερ οὖν σὺ ταῦτα διαίρεις, καὶ τὸ μὲν εἶδος ἢ τὸ καθόλου κατὰ λόγον φησὶ ἀδιαίρετον εἶναι τὸ δὲ στοιχεῖον κατὰ χρόνον, ἐπειδὴ τῆς γενέσεως ὁ χρόνος ἀπ' αὐτοῦ ἄρχεται, οὕτω νόμιζε κάκεινους προτείνειν ποῖον ἐν ἐρωτᾷς; τὸ ἀρχηγικὸν ἢ τὸ ὡς ἐν μορίοις ἐλάχιστον; ὅλως δὲ διαφορᾶς οὔσης παρ' αὐτοῖς ἐνός καὶ μονάδος, περὶ ἧς καὶ τῶν πρεσβυτέρων Πυθαγορείων πολλοὶ διελέχθησαν, ὡσπερ Ἀρχύτας, ὃς φησιν ὅτι τὸ ἐν καὶ ἡ μονὰς "συγγενῆ ἐόντα διαφέρει ἀλλάλων", καὶ τῶν νεωτέρων δὲ Μοδεράτος καὶ Νικόμαχος, διὰ τί μεταπηδῶμεν ἀπὸ τῆς μονάδος ἐπὶ τὸ ἐν, εἰ μὴ ἄρα μὴ δυσφωρατότερον τὸ ἐκείνων γένηται βούλημα».

7. Стобей (*Anth.* I 21.8.1–9.9, p. 7 Wachsmuth) приписывает Модерату два высказывания о числах, которые, с одной стороны, перекликаются со свидетельствами Прокла и Сириана, однако, с другой стороны, буквально соответствуют месту из «Изложения математических предметов, полезных для чтения Платона» философа и математика II века н. э. Теона Смирнского (p. 18 Hiller). След за Доддсом (см. приложение, сн. 45), Диллон (см. выше) предлагает принять в качестве «рабочей гипотезы» предположение о том, что Теон цитирует Модерата. Однако не исключено, что Теон и Стобей могли независимо воспользоваться одним и тем же источником, возможно доксографического ха-

рактера. Наконец, Стобей или его источник мог приписать эти высказывания Модерату без всякого на то основания, просто как «типичному» пифагорейцу. Говорится следующее (Стобей, *Anth. I, Proem.*, 8, 1–9; p. 21 Wachs.):

«Число можно кратко определить как систему монад, или прогрессию в множественность, начинающуюся с монады, и регрессию, на монаде заканчивающуюся. Монады [Диллон, вслед за Теоном: монада] представляют собой ограничивающие количество [начала и элементы числа], к которым сходятся [последовательности], если от множества последовательно отнимать по очереди каждый номер; и она характеризуется неподвижностью и стабильностью, ибо количество не может регрессировать дальше, чем монада».

«Ἔστι δὲ ἀριθμός, ὡς τύπῳ εἰπεῖν, σύστημα μονάδων, ἢ προποδισμὸς πλήθους ἀπὸ μονάδος ἀρχόμενος καὶ ἀναποδισμὸς εἰς μονάδα καταλήγων. Μονάδες δὲ περαίνουσι ποσότηθ', ἢ τις μειουμένου τοῦ πλήθους κατὰ τὴν ὑφαίρεσιν παντὸς ἀριθμοῦ στερηθεῖσα μονήν τε καὶ στάσιν λαμβάνει· περαιτέρω γὰρ ἢ μονὰς τῆς ποσότητος οὐκ ἰσχύει ἀναποδίζειν».

Текст Теона из Смирны в ряде случаев понятнее (*Expositio*, 17, 28–18, 8 Hiller). Совпадения выделены курсивом:

«Согласно пифагорейскому преданию, числа являются началом, источником и корнем всего. Число есть система монад, или прогрессия в множественность, начинающаяся с монады, и регрессия, на монаде заканчивающаяся. Монада же есть ограничивающее количество (начало и элемент числа), если от множества последовательно отнимать по очереди каждый номер; и она характеризуется неподвижностью и стабильностью: ведь его дальнейшее рассечение невозможно».

«κατὰ δὴ τοὺς Πυθαγορικῶς πρεσβευτέα τὰ τῶν ἀριθμῶν ὡς ἀρχὴ καὶ πηγὴ καὶ ρίζα τῶν πάντων. ἀριθμός ἐστι σύστημα μονάδων, ἢ προποδισμὸς πλήθους ἀπὸ μονάδος ἀρχόμενος καὶ ἀναποδισμὸς εἰς μονάδα καταλήγων. μονὰς δὲ ἐστι περαίνουσα ποσότης [ἀρχὴ καὶ στοιχεῖον τῶν ἀριθμῶν], ἥτις μειουμένου τοῦ πλήθους κατὰ τὴν ὑφαίρεσιν τοῦ παντὸς ἀριθμοῦ στερηθεῖσα μονήν τε καὶ στάσιν λαμβάνει. οὐ γὰρ οἶόν τε περαιτέρω γενέσθαι τὴν τομὴν».

Теон вводит это определение в самом начале главы о монаде и единице, и оно выглядит вполне органичным. Примечательно, что это же определение монады Ямвлих приписывает древнему пифагорейцу Тимариду (*In Nic.* 11, 1–6 Pistelli):

«Монада – это минимальное количество или первая и общая мера или начало количества. Согласно же Тимариду, она есть “ограничивающая количество”, так как всякое начало и всякий конец называется пределом..., а недавние (философы) определяют ее как “то, благодаря чему, всякая вещь называется одним”».

«Μονὰς δὲ ἐστὶ ποσοῦ τὸ ἐλάχιστον ἢ ποσοῦ τὸ πρῶτον καὶ κοινὸν μέρος ἢ ἀρχὴ ποσοῦ· ὡς δὲ Θυμαρίδας περαίνουσα ποσότης, ἐπεὶ ἐκάστου καὶ ἀρχὴ καὶ τέλος πέραс καλεῖται..., οἱ δὲ νεώτεροι καθ' ἣν ἕκαστον τῶν ὄντων ἐν λέγεται».

Следует заметить, что о Тимариде мы знаем только лишь от Ямвлиха. В каталоге пифагорейцев (*О пифагорейском образе жизни* 104 и 267) сообщается, что он был младшим современником Пифагора и родом с Пороса, а в других

местах *Комментария к Никомаховой арифметике* (27, 3 сл., 62, 18 сл. и 65, 6 Pistelli) говорится, что Тимарид называет число «прямолинейным», а также излагается «метод эпантемы» (нахождения по одному слагаемому всех остальных), открытие которого ему приписывается.

Далее слово «монада» (μονάς) традиционно этимологизируется как «остающаяся неизменной» (ἄτρεπτος μένειν) и «совершенно отдельная» (παντελῶς μεμονῶσθαι) от (числового) множества (πλήθους):

«...ὥστε μονάς ἦτοι ἀπὸ τοῦ ἐστάναι καὶ κατὰ ταῦτὰ ὡσαύτως ἄτρεπτος μένειν, ἢ ἀπὸ τοῦ διακεκρίσθαι καὶ παντελῶς μεμονῶσθαι τοῦ πλήθους εὐλόγως ἐκλήθη...»

Смысл этой фразы проясняется благодаря Теону (19, 7–10):

«Называется она монадой, будучи неизменной и не выходящей за пределы своей природы. Ведь если монаду умножить на себя, останется монада... Ещё она называется монадой, потому что получается удалением и отделением от числового множества».

«καλεῖται δὲ μονάς ἦτοι ἀπὸ τοῦ μένειν ἄτρεπτος καὶ μὴ ἐξίστασθαι τῆς ἑαυτῆς φύσεως· ὅσακις γὰρ ἂν ἐφ' ἑαυτὴν πολλαπλασιάσωμεν τὴν μονάδα, μένει μονάς... ἢ ἀπὸ τοῦ διακεκρίσθαι καὶ μεμονῶσθαι ἀπὸ τοῦ λοιποῦ πλήθους τῶν ἀριθμῶν καλεῖται μονάς».

Во втором пассаже из Модерата, который у Стобея следует немедленно за предыдущим, проводится различие между монадой («единицей»), как началом числа, и единым («одним»), как первым принципом для исчислимых вещей (τὰ ἀριθμητὰ), что также находит соответствие у Теона. Для уяснения контекста приведу отрывок побольше (пер. А. И. Щетникова, с изменениями). Предположение, что Теон является источником для Стобея, выглядит естественным, что конечно же не исключает возможности того, что Модерат также придерживался таких взглядов, и его, или какой-то доксографический источник, Теон и Стобей цитируют независимо друг от друга. Сообщение об Архите и Филолае (последнее предложение) интересным образом перекликается со свидетельством Сириана (выше):

Стобей (9, 2–9):

«Некоторым представляется, что началом чисел является монада, а началом счислимого – единое. Это последнее есть тело, которое может быть делимо до бесконечности. И как счисляемое отделяется от числа, так же телесное отличается от бестелесного. Надлежит также знать, что началами числа недавние авторы считали монаду и диаду; согласно пифагорейцам, таковы идущие друг за другом по порядку пределы, мыслимые как нечётное и чётное».

«Τινὲς τῶν ἀριθμῶν ἀρχὴν ἀπεφάναντο τὴν μονάδα, τῶν δὲ ἀριθμητῶν ἀρχὴν τὸ ἓν. Τοῦτο δὲ σῶμα τεμνόμενον εἰς ἄπειρον· ὥστε τὰ ἀριθμητὰ τῶν ἀριθμῶν ταύτη διαλλάττειν, ἢ διαφέρει τὰ σώματα τῶν ἀσωμάτων. Εἰδέναι δὲ καὶ τοῦτο χρή, ὅτι τῶν ἀριθμῶν εἰσηγήσαντο τὰς ἀρχὰς οἱ μὲν νεώτεροι τὴν τε μονάδα καὶ τὴν δυάδα, οἱ δὲ Πυθαγορικοὶ πάσας παρὰ τὸ ἐξῆς τὰς τῶν ὄρων ἐκθέσεις, δι' ὧν ἄρτιοι τε καὶ περιττοὶ νοοῦνται».

Теон (19, 21–20, 20):

«Началом чисел является монада, а началом счислимого – единое. И единое, будучи воспринимаемым чувственно, может быть делимо до бесконечности, но не как число и начало чисел, а как чувственно воспринимаемое. А умопостигаемая монада по своей сути неделима, в отличие от чувственно воспринимаемого единого, делимого до бесконечности. Счисляемые предметы также отличаются от чисел, ведь первые телесны, а вторые бестелесны. С наивной точки зрения ближайшими началами числа считались монада и диада; согласно пифагорейцам, таковы идущие друг за другом по порядку пределы, мыслимые как нечётное и чётное, и тройка является началом чувственно воспринимаемых трёх, четвёрка – четырёх, и так для всех чисел. А ещё они заявляют, что монада является началом всех этих чисел и что единое в числах свободно от изменений, будучи только единым, и оно не отличается от другого единого по количеству, ведь каждое из них едино само по себе. Поэтому оно становится началом и мерой того, что существует само по себе; и всякое сущее называется единым, будучи причастным к первичной сущности и идее единого. Архит и Филолай говорили о едином и о монаде, не различая их, так что они называли монаду единым».

«ὥστ' εἶη ἄν ἀρχὴ τῶν μὲν ἀριθμῶν ἢ μονάς, τῶν δὲ ἀριθμητῶν τὸ ἕν· καὶ τὸ ἕν ὡς ἐν αἰσθητοῖς τέμνεσθαί φασι εἰς ἄπειρον, οὐχ ὡς ἀριθμὸν οὐδὲ ὡς ἀρχὴν ἀριθμοῦ, ἀλλ' ὡς αἰσθητόν. ὥστε ἢ μὲν μονάς νοητὴ οὕσα ἀδιαίρετος, τὸ δὲ ἕν ὡς αἰσθητόν εἰς ἄπειρον τμητόν. καὶ τὰ ἀριθμητὰ τῶν ἀριθμῶν εἶη ἄν διαφέροντα τῷ τὰ μὲν σώματα εἶναι, τὰ δὲ ἄσώματα. ἀπλῶς δὲ ἀρχὰς ἀριθμῶν οἱ μὲν ὑστερόν φασι τὴν τε μονάδα καὶ τὴν δυάδα, οἱ δὲ ἀπὸ Πυθαγόρου πάσας κατὰ τὸ ἐξῆς τὰς τῶν ὄρων ἐκθέσεις, δι' ὧν ἄρτιοί τε καὶ περιττοὶ νοοῦνται, οἷον τῶν ἐν αἰσθητοῖς τριῶν ἀρχὴν τὴν τριάδα καὶ τῶν ἐν αἰσθητοῖς τεσσάρων πάντων ἀρχὴν τὴν τετράδα καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἀριθμῶν κατὰ ταυτά. οἱ δὲ καὶ αὐτῶν τούτων ἀρχὴν τὴν μονάδα φασι καὶ τὸ ἕν πάσης ἀπηλλαγμένον διαφορᾶς ὡς ἐν ἀριθμοῖς, μόνον αὐτὸ ἕν, οὐ τὸ ἕν, τουτέστιν οὐ τόδε τὸ ποιὸν καὶ διαφορὰν τινα πρὸς ἕτερον ἐν προσηληφός, ἀλλ' αὐτὸ καθ' αὐτὸ ἕν. οὕτω γὰρ ἄν ἀρχὴ τε καὶ μέτρον εἶη τῶν ὑφ' ἑαυτὸ ὄντων, καθὼ ἕκαστον τῶν ὄντων ἐν λέγεται, μετασχὼν τῆς πρώτης τοῦ ἐνὸς οὐσίας τε καὶ ιδέας. Ἀρχύτας δὲ καὶ Φιλόλαος ἀδιαφόρως τὸ ἕν καὶ μονάδα καλοῦσι καὶ τὴν μονάδα ἕν».

ΦΡΑΓΜΕΝΤΥ

Четыре сообщения о Модерате можно, с некоторыми оговорками, идентифицировать как фрагменты, хотя, строго говоря, в двух случаях его сочинение лишь пересказывается Порфирием и Сирианом, цитирующим Порфирия, а два фрагмента из Ямвлиха, цитируемого Стобеем, представляют собой голые документальные сообщения, лишённые какого-либо контекста.

ΦΡΑΓΜΕΝΤ 1

Ο ΖΑΒΒΕΝΙΙ ΠΙΦΑΓΟΡΕΙΣΚΟΪ ΤΡΑΔΙΤΙΟΪ

Благодаря этому сообщению Модерат предстает перед нами в качестве «агрессивного» пифагорейца, пишущего в духе псевдопифагорейки и считающего, что подлинный платонизм – это пифагореизм.

(Порфирий, *Жизнь Пифагора* 53 Nauk; пер. М. Л. Гаспарова, уточненный)

«Вот каково было использование чисел у пифагорейцев. Из-за этого прежде всего и случилось так, что философия пифагорейцев почти затухла: во-первых, излагалась она загадками, во-вторых, записана она была по-дорийски, а так как это наречие малопонятное, то казалось, что и учения, на нем излагаемые, не подлинны и искажены, и, в-третьих, многие, выдававшие себя за пифагорейцев, на самом деле вовсе ими не являлись. Наконец, пифагорейцы жалуются, что Платон, Аристотель, Спевсипп, Аристоксен и Ксенократ присвоили себе все их выводы, изменив разве лишь самую малость, а потом собрали все самое дешевое, пошлое, удобное для извращения и осмеяния школы позднейшими злопыхателями и выдали это за их собственное учение. Впрочем, это случилось уже впоследствии».

«ἢ μὲν δὴ περὶ τῶν ἀριθμῶν πραγματεία τοιαύτη τοῖς Πυθαγορείοις. καὶ διὰ ταύτην πρωτίστην οὖσαν [Zeller: αἰτίαν] τὴν φιλοσοφίαν ταύτην συνέβη σβεσθῆναι, πρῶτον μὲν διὰ τὸ αἰνιγματῶδες, ἔπειτα διὰ τὸ καὶ τὰ γεγραμμένα δωριστὶ γεγράφθαι, ἐχούσης τι καὶ ἀσαφὲς τῆς διαλέκτου καὶ μηδὲν διὰ τοῦτο ὑπονοεῖσθαι καὶ τὰ ὑπ' αὐτῆς ἀνιστορούμενα δόγματα ὡς νόθα καὶ παρηκουσμένα τῶ μὴ ἄντικρυς Πυθαγορικοῦς εἶναι τοὺς ἐκφέροντας ταῦτα. πρὸς δὲ τούτοις τὸν Πλάτωνα καὶ Ἀριστοτέλη Σπεύσιππὸν τε καὶ Ἀριστόξενον καὶ Ξενοκράτη, ὡς φασὶν οἱ Πυθαγόρειοι, τὰ μὲν κάρπιμα σφετερίσασθαι διὰ βραχείας ἐπισκευῆς, τὰ δ' ἐπιπόλαια καὶ ἐλαφρὰ καὶ ὅσα πρὸς διασκευὴν καὶ χλευασμὸν τοῦ διδασκαλείου ὑπὸ τῶν βασκάνως ὕστερον συκοφαντούντων προβάλλεται συναγαγεῖν καὶ ὡς ἴδια τῆς αἰρέσεως καταχωρίσαι. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἀπέβη ὕστερον».

ФРАГМЕНТ 2

О ДЕКАДЕ

Рассуждая о методах очищения души, будто бы предложенных Пифагором (*Жизнь Пифагора* 46–47), Порфирий говорит, что тот учил постепенно восходить от более мелкого и материального к бестелесному и вечному, прибегая для этого к средствам, предоставляемым математическими науками, потому что геометрические объекты находятся как бы посередине между телесным и бестелесным, будучи, с одной стороны, объемными, как и все тела, но, с другой, не имеющими плотности, как все бестелесное. Именно таким способом душа, постепенно привыкая к «новой пище», обретала блаженство и научалась созерцать истинно сущее. Не исключено, что об этом писал и Модерат. Вообще говоря, трактаты «пропедевтического» характера о первых десяти числах типичны для литературы пифагорейского характера. Традиция их составления восходит по крайней мере к Спевсиппу (большой фрагмент сохранился в составе *Теологумен арифметики* 82–85). Об этом пишет Теон Смирнский (*Exp.* 99, 17–106, 11, который обращается к трактатам *О декаде* Псевдо-Архита и *О природе* Филолая). Таковы пифагорейское *Священное слово* и анонимные *Теологумены арифметики*, составленные на основе аналогичных трактатов Никомаха и Анатолия (об Анатолии см. Heiberg 1900). Выведение смысла десяти (δεκάδα) из слова «восприемница» (δεχάδα) хорошо известно в пифагорейской литературе. Эту же этимологию приводит Ямвлих во *Введении в Никомахову арифметику* (Iamblichus, in *Nicom.* 118.11 Pistelli). Упоминается она и в соответствующем месте *Теологумен арифметики* (80). См. Mansfeld 1971, 157–159; Thesleff 1965, 164–166; O'Meara 1990 (первая глава).

(Порфирий, *Жизнь Пифагора* 48–52 Nauk; пер. М. Л. Гаспарова, уточненный)

- 48 Что же касается учения о числах, то, так пишет среди прочих и Модерат из Гадиры, в 11 [или десяти; cf. *Des Places*, p. 59] книгах весьма ясно изложивший мнения наших мужей, ими он занимался вот для чего. Первообразы и первоначала, говорил он, не поддаются ясному изложению на словах, потому что их трудно уразуметь и трудно высказать, оттого и приходится прибегать к числам для ясности обучения, по примеру учителей геометрии и грамматики. Ведь именно так последние, желая передать звуки и их значение, прибегают к начертанию букв и на первых порах обучения говорят, будто это и есть звуки, а потом уже объясняют, что буквы – это совсем не звуки, а лишь средство, помогающее получить
- 49 представление о настоящих звуках. Точно так же учителя геометрии, не умея передать на словах телесный образ, представляют его очертания на чертеже и говорят «вот треугольник», имея в виду, что треугольник – это не то, что сейчас начерчено перед глазами, а то, о чем этим начертанием дается понятие. Вот так и пифагорейцы поступают с первоначальными понятиями и образами: они не в силах передать словесно бестелесные

82 Модерат из Гадиры

образы и первоначала и прибегают к числам, чтобы их показать. Так, понятие единства, тождества, равенства, причину единодушия, всеобщей симпатии, то, из-за чего все вещи остаются самими собой, пифагорейцы называют Единицей; Единица эта присутствует во всем, что состоит из 50 частей, она соединяет эти части и сообщает им единодушие, ибо причастна первопричине. А понятие различия, неравенства, всего, что делимо, изменчиво и бывает то одним, то другим, они называют Двоицею; такова природа Двоицы даже в сфере отдельных вещей. И нельзя сказать, что эти понятия у пифагорейцев были, а у остальных философов отсутствовали, – мы видим, что и другие признают существование сил объединяющей и разъединяющей целое, и у других есть понятия равенства, несходства и различия. Эти-то понятия пифагорейцы для удобства обучения и называют Единицей и Двоицей; это у них значит то же самое, 51 что «двойное», «неравное» и «инородное». То же самое можно сказать и о других числах: всякое из них соответствует какому-то значению. Так, все, что в природе вещей имеет начало, середину и конец, они по такой его природе и виду называют Троицей, и все, в чем есть середина, считают троичным [и все, что совершенно, – тоже]; все совершенное, говорят они, исходит из этого начала и им упорядочено, поэтому его нельзя назвать иначе чем Троицей; и, желая возвести нас к понятию совершенства, они ведут нас через этот образ. То же самое относится и к другим числам. Вот на каких основаниях располагают они вышеназванные числа.

Точно так же и последующие числа охвачены (περιέχονται) у них единым образом и значением, который они называют Десяткою (δεκάδα), то 52 есть «восприемницей» (δεχάδα). Поэтому они утверждают, что десять – это совершенное число, совершеннейшее из всех, и что в нем заключено всякое различие между числами, всевозможные отношения и подобия между ними. В самом деле, если природа всего определяется через отношения и подобия чисел и если все, что возникает, растет и завершается, раскрывается в отношениях чисел, а всякий вид числа, всякое отношение и всякое подобие заключены в Десятке, то как же не назвать Десятку числом совершенным?

48 ἡ δὲ περὶ τῶν ἀριθμῶν πραγματεία, ὡς ἄλλοι τε φασὶν καὶ Μοδέρατος ὁ ἐκ Γαδείρων πάνυ συνετῶς ἐν ἕνδεκα [BM : ἕνδεκα VL ἐν δέκα W; cf. Des Places, p. 59] βιβλίοις συναγαγὼν τὸ ἀρέσκον τοῖς ἀνδράσι διὰ τοῦτο ἐσπουδάσθη. μὴ δυνάμενοι γάρ, φησί, τὰ πρῶτα εἶδη καὶ τὰς πρώτας ἀρχὰς σαφῶς τῷ λόγῳ παραδοῦναι διὰ τε τὸ δυσπερινόητον αὐτῶν καὶ δυσέξοιστον, παρεγένοντο ἐπὶ τοὺς ἀριθμοὺς εὐσήμου διδασκαλίας χάριν μιμησάμενοι τοὺς γεωμέτρους καὶ τοὺς γραμματιστάς. ὡς γὰρ οὗτοι, τὰς δυνάμεις τῶν στοιχείων καὶ αὐτὰ ταῦτα βουλόμενοι παραδοῦναι, παρεγένοντο ἐπὶ τοὺς χαρακτῆρας, τούτους λέγοντες ὡς πρὸς τὴν πρώτην διδασκαλίαν στοιχεῖα εἶναι, ὕστερον μὲντοι διδάσκουσιν ὅτι οὐχ οὗτοι στοιχεῖά εἰσιν οἱ χαρακτῆρες, ἀλλὰ διὰ τούτων

- 49 ἔννοια γίνεται τῶν πρὸς ἀλήθειαν στοιχείων· καὶ οἱ γεωμέτραι μὴ ἰσχύοντες τὰ ἀσώματα εἶδη λόγῳ παραστήσαι παραγίνονται ἐπὶ τὰς διαγραφὰς τῶν σχημάτων, λέγοντες εἶναι τρίγωνον τόδε, οὐ τοῦτο βουλόμενοι τρίγωνον εἶναι τὸ ὑπὸ τὴν ὄψιν ὑποπίπτον, ἀλλὰ τὸ τοιοῦτο, καὶ διὰ τούτου τὴν ἔννοιαν τοῦ τριγώνου παριστάσι. καὶ ἐπὶ τῶν πρώτων οὖν λόγων καὶ εἰδῶν τὸ αὐτὸ ἐποίησαν οἱ Πυθαγόρειοι, μὴ ἰσχύοντες λόγῳ παραδιδόναι τὰ ἀσώματα εἶδη καὶ τὰς πρώτας ἀρχάς, παρεγένοντο ἐπὶ τὴν διὰ τῶν ἀριθμῶν δήλωσιν. καὶ οὕτως τὸν μὲν τῆς ἐνότητος λόγον καὶ τὸν τῆς ταυτότητος καὶ ἰσότητος καὶ τὸ αἴτιον τῆς συμπνοίας καὶ τῆς συμπαθείας τῶν ὄλων καὶ τῆς σωτηρίας τοῦ κατὰ ταῦτά καὶ ὡσαύτως ἔχοντος ἐν προσηγόρευσαν· καὶ γὰρ τὸ ἐν τοῖς κατὰ μέρος ἐν τοιοῦτον ὑπάρχει ἠνωμένον τοῖς μέρεσι καὶ σύμπνουν κατὰ
- 50 μετουσίαν τοῦ πρώτου αἰτίου. τὸν δὲ τῆς ἐτερότητος καὶ ἀνισότητος καὶ παντὸς τοῦ μεριστοῦ καὶ ἐν μεταβολῇ καὶ ἄλλοτε ἄλλως ἔχοντος δυοειδῆ λόγον καὶ δυάδα προσηγόρευσαν· τοιαύτη γὰρ κὰν τοῖς κατὰ μέρος ἢ τῶν δύο φύσις. καὶ οὗτοι οἱ λόγοι οὐ κατὰ τούτους μὲν εἰσί, κατὰ δὲ τοὺς λοιποὺς οὐκ ἔστι, ἀλλ' ἔστιν ἰδεῖν καὶ τοὺς ἄλλους φιλοσόφους δυνάμεις τινὰς ἀπολιπόντας ἐνοποιοὺς καὶ διακρατητικὰς τῶν ὄλων οὔσας, καὶ εἰσὶ τινες καὶ παρ' ἐκείνοις λόγοι ἰσότητος καὶ ἀνομοιότητος καὶ ἐτερότητος. τούτους οὖν τοὺς λόγους εὐσήμου χάριν διδασκαλίας τῷ τοῦ ἐνὸς ὀνόματι προσαγορεύουσι καὶ τῷ τῆς δυάδος· οὐ διαφέρει δὲ γε τοῖς αὐτοῖς ἢ δυοειδὲς ἢ ἀνισοειδὲς εἰπεῖν ἢ
- 51 ἐτεροειδὲς. ὁμοίως δὲ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἀριθμῶν ὁ αὐτὸς λόγος· πᾶς γὰρ κατὰ τινων δυνάμεων τέτακται. πάλιν γὰρ ἔστι τι ἐν τῇ φύσει τῶν πραγμάτων ἔχον ἀρχὴν καὶ μέσον καὶ τελευτήν. κατὰ τοῦ τοιοῦτου εἶδους καὶ κατὰ τῆς τοιαύτης φύσεως τὸν τρία ἀριθμὸν κατηγορήσαν. διὸ καὶ πᾶν τὸ μεσότητι προσκεχημένον τριοειδὲς εἶναι φασίν. [οὕτως δὲ καὶ πᾶν τὸ τέλειον προσηγόρευσαν.] καὶ εἴ τί ἐστι τέλειον, τοῦτο φασίν ἐκείνη τῇ ἀρχῇ προσκεχηθῆσθαι καὶ κατ' ἐκείνην κεκοσμηθῆσθαι. ἦν ἄλλως μὴ δυνάμενοι ὀνομάσαι τῷ τῆς τριάδος ὀνόματι ἐπ' αὐτῆς ἐχρήσαντο· καὶ εἰς ἔννοιαν αὐτῆς βουλόμενοι εἰσαγαγεῖν ἡμᾶς διὰ τοῦ εἶδους τούτου ταύτη εἰσήγαγον. καὶ ἐπὶ
- 52 τῶν ἄλλων δ' ἀριθμῶν ὁ αὐτὸς λόγος. οὗτοι οὖν οἱ λόγοι καθ' οὓς οἱ ῥηθέντες ἀριθμοὶ ἐτάγησαν. καὶ οἱ ἐξῆς περιέχονται ὑπὸ μιᾶς τινὸς ἰδέας καὶ δυνάμεως· ταύτην δὲ δεκάδα οἶον δεκάδα προσηγόρευσαν. διὸ καὶ τέλειον ἀριθμὸν τὸν δέκα εἶναι λέγουσιν, μᾶλλον δὲ τελειότατον ἀπάντων, πᾶσαν διαφορὰν ἀριθμοῦ καὶ πᾶν εἶδος λόγου καὶ ἀναλογίαν ἐν ἑαυτῷ περιελιφότα. εἰ γὰρ ἢ τοῦ παντὸς φύσις κατ' ἀριθμῶν λόγους τε καὶ ἀναλογίας περατοῦται καὶ πᾶν τὸ γεννώμενον καὶ αὐξανόμενον καὶ τελειούμενον κατ' ἀριθμῶν λόγους διεξάγει, πάντα δὲ λόγον καὶ πᾶσαν ἀναλογίαν καὶ πᾶν εἶδος ἀριθμοῦ περιέχει ἢ δεκάς, πῶς οὐκ ἂν τέλειος ἀριθμὸς λέγοιτο αὕτη;

ФРАГМЕНТ 3

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ДУШИ

Stobaeus I 49.32.1–119, p. 362–367 Wachsmuth
(Iamblichus, *De anima*, fr. 4–5 Dillon-Finamore, p. 28–29)

Ямвлих начинает с замечания, что хотя, согласно Аристотелю (*De anima* I 2, 405 b 10), мнения о душе можно распределить в соответствии с тремя важнейшими родами (τρία τὰ κυριώτατα γένη): движение (κίνησιν), познание (γνώσιν) и степень тонкости ее природы (λεπτότητα οὐσίας), он находит эти категории двусмысленными и запутывающими существо дела (ведь движение в категории изменения – это не то же самое, что движение в категории жизни и т. д.), не учитывающими, к тому же, все возможные мнения.

«Ἀριστοτέλης (de anima I 2 p. 405^b 10) μὲν οὖν τὰ μάλιστα δοκοῦντα τῇ ψυχῇ ὑπάρχειν εἰς τρία τὰ κυριώτατα γένη ἀναγαγών, κίνησιν τε καὶ γνώσιν καὶ λεπτότητα οὐσίας... Ἐγὼ δὲ ὄρω ἐν τούτοις τοῖς ὅροις πολὺ μὲν τὸ ὁμώνυμον καὶ συγκεχυμένον... πολὺ δὲ καὶ τὸ ἀτελὲς αὐτῶν καὶ ἐνδεές· οὐ γὰρ ἔνεστι πάντα περιλαβεῖν τὰ γένη τῶν δοξῶν ἐν τοῖς τρισὶ τούτοις ὅροις...».

Некоторые думают, продолжает он, что душа состоит из сферовидных (σφαιροειδῶν) атомов, которые «первичнее тел и элементарнее четырех первоэлементов». Аристотель также начинает свой обзор с атомистов, однако это определение они едва ли приняли бы.

Согласно некоторым аристотеликам, говорится далее, душа представляет собой форму (εἶδος), связанную с телом, или «простое бестелесное количество» (ποιότης ἀπλῆ ἀσώματος), или «совершенное чувственное качество» (ποιότης οὐσιώδης τελεία). Сюда же могла бы примыкать, фантазирует Ямвлих, идея о том, что «душа есть связь всех качеств и простая сумма их, возникающая либо как результат их самих, либо им подлежащая (ἢ τὴν συνδρομὴν τῶν ὅλων ποιότητων καὶ τὸ ἐν αὐτῶν κεφάλαιον, εἴτε τὸ ἐπιγινόμενον ἢ τὸ προὑπάρχον). Затем говорится следующее:

1 Теперь внимательно и по порядку рассмотрим тех, кто связывает сущность души с математической сущностью. Первым родом из них будет фигура (σχῆμα), которая есть предел протяженности (διάστασις) и сама протяженность. В этих терминах она определялась Севером Платоником,
5 в то время как Спевсипп определил ее как «распространенную во всех направлениях форму». Прибегнув к более чистому определению, можно, однако, определить ее наисовершеннейшим образом как причину или, скорее, единство, предшествующее им обоим.

10 Число будет вторым родом (математической сущности). И некоторые пифагорейцы запросто прилагают его к душе; Ксенократ – поскольку она является самодвижущимся числом, Модерат-пифагореец [того же мнения], поскольку она охватывает пропорции; а Гиппас акусматик-пифагореец – как различительный инструмент бога-творца. Как сообщает

15 Αριστотєль (*De anima* I 2, 404 b 18–24), (определєя душу), Πлатон исходит из предположения, что живое само по себе (αὐτὸ τὸ ζῶον) составлено из идеи единого и первоначальных длины, (ширины) и глубины, определяя единое как ум, двоицу – как научное знание (ἐπιστήμη), плоское число как мнение, а объемное число как чувственное восприятие.

20 Рассмотрим теперь гармонию, но не ту, которая присуща телам, а математическую. Именно ее, то есть, попросту говоря, то, что делает складными и согласными друг с другом различающиеся между собой вещи, Модерат и прилагает к душе. Напротив, Тимей (из Локр) гармонию в душе относит к мере и связи (σύνδεσιν) в вещах и живых существах, и к сотворению всего сущего, в то время как Плотин, Порфирий и Амелий учили, что гармония пребывает в сущностных предсуществующих разумных принципах (λόγοι); многие другие платоники и пифагорейцы также рассуждали в том смысле, что гармония переплетена с космосом и неотделима от небес.

1 Μετὰ δὴ ταῦτα τοὺς εἰς μαθηματικὴν οὐσίαν ἐντιθέντας τὴν οὐσίαν τῆς ψυχῆς καταλέγω διευκρινημένως. Ἔστι δὴ γένος ἓν τι αὐτῆς τὸ σχῆμα, πέρας ὃν διαστάσεως, καὶ αὐτὴ <ή> διάστασις. Ἐν αὐτοῖς μὲν οὖν τούτοις Σεβῆρος ὁ Πλατωνικὸς αὐτὴν ἀφωρίσατο, ἐν ιδέα δὲ τοῦ πάντη διαστατοῦ Σπεύσιππος·
5 ἐν αἰτία δὲ ἤτοι ἐνώσει τούτων ἄλλος ἂν τις καθαρώτερον αὐτὴν προσθήσαιτο τελεώτατα. Πάλιν τοίνυν ὁ ἀριθμὸς ἐν ἑτέρῳ γένοι κεῖται. Ἀλλὰ καὶ τοῦτον ἀπλῶς μὲν οὕτως ἔνιοι τῶν Πυθαγορείων τῇ ψυχῇ συναρμολογοῦσιν· ὡς δ' αὐτοκίνητον Ξενοκράτης, ὡς δὲ λόγους περιεχούση Μοδέρατος ὁ Πυθαγόρειος, ὡς δὲ κριτικὸν κοσμοῦργοῦ θεοῦ ὄργανον Ἴππασος, ὁ
10 ἀκουσματικὸς τῶν Πυθαγορείων· ὡς δ' Ἀριστοτέλης (*de anima* I 2 p. 404^b 18–24) ἱστορεῖ, Πλάτων ἐκ τῆς τοῦ ἐνὸς ιδέας καὶ τοῦ πρώτου μήκους <καὶ πλάτους> καὶ βάθους αὐτὸ τὸ ζῶον προῦποτιθέμενος καὶ τὸ μὲν ἐν νοῦν, τὴν δὲ δυάδα ἐπιστήμην, δόξαν δὲ τὸν τοῦ ἐπιπέδου ἀριθμὸν, τὸν δὲ τοῦ στερεοῦ [τὴν] αἴσθησιν διορίζομενος.

15 Ἔτι τοίνυν τὴν ἀρμονίαν ἴδωμεν, οὐ τὴν ἐν σώμασιν ἐνιδρυμένην, ἀλλ' ἣτις ἐστὶ μαθηματικὴ. Ταύτην τοίνυν, ὡς μὲν ἀπλῶς εἰπεῖν, τὴν τὰ διαφέροντα ὁπωσοῦν σύμμετρα καὶ προσήγορα ἀπεργαζομένην ἀναφέρει εἰς τὴν ψυχὴν Μοδέρατος· τὴν δ' ὡς ἐν οὐσίαις καὶ ζωαῖς καὶ γενέσει πάντων μεσότητα καὶ σύνδεσιν ὁ Τίμαιος (*Locr.* p. 99^a sq.) αὐτῇ ἀνατίθει, τὴν δ' ὡς ἐν λόγοις τοῖς κατ' οὐσίαν προῦπάρχουσι Πλωτίνος καὶ
20 Πορφύριος καὶ Ἀμέλιος παραδεδώκασι, τὴν δὲ συνδιαπλεκομένην τῷ κόσμῳ καὶ ἀχώριστον τοῦ οὐρανοῦ πολλοὶ δὴ τινες τῶν Πλατωνικῶν καὶ Πυθαγορείων προκρίνουσιν.

8: Ms. λόγους; <ἐν> λόγοις; Ms. περιέχουσαν : περιέχουσιν Usener, περιέχοντα Herren, περιέχουσαν Diels-Kranz, περιεχούση; Festugière

Далее Ямвлих рассматривает мнения философов о бестелесности души. Одни считают, что «душа во всей ее полноте ничем не отличается от ума, богов и превосходящих ее родов». Этого мнения определенно придерживается Нумений (см. фрагмент 41 *Des Places*), в то время как Плотин, Амелий и Порфирий в этом не вполне уверены. Другие, как ведется со времен Пифагора, Платона, Аристотеля и как сам Ямвлих надеется показать «всем этим трактатом», отделяют Душу от Ума и считают ее отдельным уровнем реальности, отличным от всех высших классов существ и определяют ее либо в качестве среднего между делимым–неделимым и телесным–бестелесным, либо в качестве совокупности разумных принципов, либо в качестве того, что после идей участвует в процессе творения, либо, наконец, в качестве того, что содержит в себе жизнь и происходит из высшей реальности. Затем приводится несколько «материалистических» представлений о душе, например, как об оппозиции горячего и холодного и т. д. Ямвлих замечает, что эти авторы придумывают такие этимологии, какие подходят для их теорий. Так, жизнь (ζῆν) выводится ими из ἀναζεῖν (кипеть), по причине теплоты, душа (ψυχή) – от ἀναψύχεσθαι (охлаждаться), по причине холода, а вдыхаемый воздух считают душой потому, что, по сообщению Аристотеля (*О душе* I 5, 410 b 27), в орфических песнопениях «душа, носимая ветрами, входит в нас из космоса по мере того, как мы дышим» (к сожалению, текст содержит лауну, восстанавливаемую издателями по смыслу). Наконец, Ямвлих приводит мнения некоторых аристотеликов, которые считают, что душа состоит из эфира, является «вечным движением» (как учит Теофраст), переплетена с телом (по мнению стоиков), либо смешана с принципом роста или принадлежащая телу в качестве «воодушевления» (τὸ ἐψυχῶσθαι), как полагал Дикеарх из Мессены.

Определение Севером души как фигуры (σχῆμα), которая есть предел протяженности (διάστασις), по замечанию комментаторов (Dillon–Finamore 2002, 80), вводит в заблуждение хотя бы потому, что пределом протяженности будет скорее точка, нежели фигура. Именно так, кстати, и пишет Прокл (*In Tim.* II 153, 21ff Diehl), говоря, что пределом протяженности у Севера будет знак или точка (σημεῖον). Следующее затем определение Спевсиппа (фр. 54 *Tarān*; см. Диллон 2005, 59) хорошо известно и засвидетельствовано в других источниках, хотя его истолкование и проблематично. После собственной формулировки, Ямвлих переходит от геометрических объектов к математическим и приводит ряд мнений, которые могут быть, так или иначе, суммированы в учении Платона, истолкованном совершенно в пифагорейском духе. Определение Ксенократом души как «самодвижущегося числа» также хорошо известно (фр. 169 *Isnardi-Parente*; Диллон 2005, 143), упоминание о древнем пифагорейце Гиппархе интересно, однако выглядит анахронизмом.

Сообщение о Модерате осложняется текстуальной проблемой. В 8-й строке в рукописи стоит либо λόγους περιέχουσαν, либо λόγους περιέχουσα. Для согласования необходимо либо причастие мужского рода в винительном падеже, –

для согласования с ἀριθμὸν, либо женское в дательном – для согласования с τῇ ψυχῇ. Herren предпочел первое, Festugière – второе.

Как отмечает в своем комментарии к этому месту Диллон, Модерат здесь придерживается взгляда, который приписывается Филолаю в *Федоне* 86 b 5, 88 d 3, 92 c 11 (cf. test 23A: Huffman 1993, 324–332) и, возможно, восходящий к его трактату *О душе*, первый же пассаж показывает, что он отождествляет ее с числом четыре – пифагорейским числом души, которое включает в себя все музыкальные пропорции – октаву (2 : 1), квинту (3 : 2) и кварту (4 : 3).

Ср. также Дамаский (*De princ.* I, 111, 9; Huffman 1993, 166):

«... из предела и беспредельного, как Платон говорит в *Филебе* и Филолай в трактате *О природе*... и почему он [третий тип сущностей в *Филебе* 23 c 11 сл.] называется Платоном, платониками и, еще ранее, Филолаем и другими пифагорейцами смешанным? Не только потому, что сущее составлено из определяющего и беспредельного, как говорит Филолай, но и потому что они полагают объединяющую триаду в качестве третьего начала после монады и неопределенной диады».

Наконец, рассмотрим самое интересное и в то же время противоречивое сообщение о Модерате.

ФРАГМЕНТ 4

О ПЕРВЫХ НАЧАЛАХ

В своем подробном комментарии на *Физику* Аристотеля (I 7, 191 a 7 сл.; пер. В. П. Карпова), где говорится:

«Что касается лежащей в основе природы, то она познается по аналогии: как относятся медь к статуе, или дерево к ложу, или материал и бесформенное [вещество] еще до принятия формы ко всему обладающему формой, так и она относится к сущности, к определенному и существующему предмету. Итак, одно начало – это [подоснова], хотя она не так едина и существует не в том смысле, как определенный предмет, другое же – определение и, кроме того, противоположное ему – лишенность».

«ἢ δὲ ὑποκειμένη φύσις ἐπιστητὴ κατ' ἀναλογίαν. ὡς γὰρ πρὸς ἀνδριάντα χαλκὸς ἢ πρὸς κλίνην ξύλον ἢ πρὸς τῶν ἄλλων τι τῶν ἐχόντων μορφὴν [ἢ ὕλη καὶ] τὸ ἄμορφον ἔχει πρὶν λαβεῖν τὴν μορφὴν, οὕτως αὕτη πρὸς οὐσίαν ἔχει καὶ τὸ τόδε τι καὶ τὸ ὄν. μία μὲν οὖν ἀρχὴ αὕτη, οὐχ οὕτω μία οὐσα οὐδὲ οὕτως ὄν ὡς τὸ τόδε τι, μία δὲ ἦς ὁ λόγος, ἔτι δὲ τὸ ἐναντίον τούτῳ, ἢ στέρησις», –

Симпликий (*In Phys.* p. 225.21–231.24 Diels) рассматривает вопрос о том, как познается материя и что это такое, если, согласно Аристотелю, она бескачественна и бесформенна, а по словам Платона, это «материнская» природа, не усваивающая никакой формы и принимающая любые оттиски, в зависимости от того, что туда входит (*Тимей* 50 с)? Симпликий разбирает выражения τὸ τόδε τι (226, 17 сл.), κατ' ἀναλογίαν (226, 25 сл.), цитирует Тимея-пифагорейца (227, 18 сл. = Thesleff 206.8–9), критикует Перикла Лидийского и приходит к выводу о том, что, поскольку материя познается по Аристотелю и Тимею-пифагорейцу «по

аналогии», а по Платону «незаконным умозаключением», то невозможно, чтобы первой материей было тело, лишённое качеств (229, 1–10). Затем приводится четыре аргумента Плотина (229, 12 сл.; *Плотин* II 4 (12) 8.13–14) в поддержку этого положения и ещё пять анонимных аргументов (229, 31 сл.) и вновь делается общий вывод (230, 15) о том, что природа, подлежащая формам, не есть форма и что материей является то общее, что присуще всем чувственно воспринимаемым вещам. Затем, после замечания о двух типах тел, он сначала привлекает в поддержку высказанного воззрения Модерата, а затем эксплицитно указывает свой источник: вторую книгу сочинения Порфирия *О материи*. (Подробный анализ содержания предшествующей цитате части комментария см. Saffrey–Westerink 1974, xxvi–xxx.) Естественно предположить, что Порфирий здесь цитирует тот же труд Модерата, что и в *Жизни Пифагора* 48–53, то есть его *Лекции о пифагореизме*. В любом случае, мы не знаем ни о каких других работах Модерата. Говорится следующее:

(Симпликий, *Комментарий на Физику Аристотеля* 230, 34–232, 6 Diels)

- 230, 34 Кажется, этого воззрения на материю, [то есть что она бестелесна и бесформенна], придерживались среди эллинов сначала пифагорейцы, а затем Платон, как об этом сообщает Модерат. Этот [Модерат или Платон?] говорит, что, согласно пифагорейцам, первое Единое выше бытия и всякой сущности; второе Единое, которое есть истинно сущее и умопостигаемое бытие, он называет Формами; третье или психическое Единое (= область души) причастно [первому] Единому и Формам; вслед за ней [идущая] последняя природа – это природа чувственно воспринимаемых сущностей; она более не причастна [высшему?] и упорядочена лишь через отражение [или манифестацию] остальных; материя в чувственно воспринимаемых вещах есть тень небытия, чья первичная Форма есть Количество, однако материя падает еще ниже даже отсюда, [то есть ниже Количества].
- 231, 1
- 5
- 230,34 Ταύτην δὲ περὶ τῆς ὕλης τὴν ὑπόνοιαν εἰοίκασιν ἐσχηκέναι πρῶτοι μὲν τῶν Ἑλλήνων οἱ Πυθαγόρειοι, μετὰ δ' ἐκείνους ὁ Πλάτων, ὡς καὶ Μοδέρατος ἱστορεῖ. οὗτος γὰρ κατὰ τοὺς Πυθαγορείους τὸ μὲν πρῶτον ἐν ὑπὲρ τὸ εἶναι καὶ πᾶσαν οὐσίαν ἀποφαίνεται, τὸ δὲ δεῦτερον ἐν, ὅπερ ἐστὶ τὸ ὄντως ὄν καὶ νοητὸν, τὰ εἶδη φησὶν εἶναι, τὸ δὲ τρίτον, ὅπερ ἐστὶ τὸ ψυχικόν, μετέχειν τοῦ ἐνὸς καὶ τῶν εἰδῶν, τὴν δὲ ἀπὸ τούτου τελευταίαν φύσιν τὴν τῶν αἰσθητῶν οὖσαν μὴδὲ μετέχειν, ἀλλὰ κατ' ἔμφασιν ἐκείνων
- 231, 1
- 5 κεκοσμηθῆναι, τῆς ἐν αὐτοῖς ὕλης τοῦ μὴ ὄντος πρῶτως ἐν τῷ ποσῷ ὄντος οὐσης σκίασμα καὶ ἔτι μᾶλλον ὑποβεβηκυίας καὶ ἀπὸ τούτου.

Симпликий сообщает, что, со ссылкой на Модерата, Порфирий приписывает пифагорейцам представление о бестелесной и бесформенной материи, а затем излагает довольно необычное учение о трех отдельных уровнях единого, также приписывая его Платону (как, вслед за Целлером, считают Dillon 1996, 347; пер. см. выше; Saffrey–Westerink 1974, xxx и др., или самому Модерату (как предпо-

читал переводить это место Эрик Доддс (см. приложение к этому тому), считая что οὗτος логичнее отнести к ближайшему имени). Впрочем, как справедливо замечает тот же Доддс, для нас не очень важно, высказывает ли Модерат свое личное мнение или же думает, что так считал Платон. Чарльз Кан (Kahn 2001, 107) вообще не указывает имени.

231, 6 Также и Порфирий написал во второй книге своего трактата *О материи*, цитируя Модерата: «Как Платон сказал где-то, поскольку принцип единства решил создать становление сущих из себя самого, он создал место для Количества, лишив себя всех своих логосов и Форм».

231, 6 Καὶ ταῦτα δὲ ὁ Πορφύριος ἐν τῷ δευτέρῳ Περι ὕλης τὰ τοῦ Μοδεράτου παρατιθέμενος γέγραφεν ὅτι “βουληθεὶς ὁ ἐνιαῖος λόγος, ὡς πού φησιν ὁ Πλάτων, τὴν γένεσιν ἀφ’ ἑαυτοῦ τῶν ὄντων συστήσασθαι, κατὰ στερήσιν αὐτοῦ ἐχώρησε τὴν ποσότητα πάντων αὐτὴν στερήσας τῶν αὐτοῦ λόγων καὶ εἰδῶν”.

Очевидно, имеется в виду *Тимей* 29 d–30 a. Это Количество, говорится далее, и называется бесформенным, неделимым, пространственно неопределенным, принимающим на себя форму, пространственные характеристики, разделение, количество и все тому подобное (τοῦτο δὲ ποσότητα ἐκάλεσεν ἄμορφον καὶ ἀδιαίρετον καὶ ἀσχημάτιστον, ἐπίδεχομένην μέντοι μορφήν σχῆμα διαίρειν ποιότητα πᾶν τὸ τοιοῦτον). Поэтому оно и называется многими именами: «всеприемница» («πανδεχῆ»), безвидная и невидимая (ἀνείδεον καὶ ἀόρατον), «очень странным способом участвующая в мыслимом» (ἀπορώτατα τοῦ νοητοῦ μετεληφέναι; у Платона: «μεταλαμβάνον δὲ ἀπορώτατά πη τοῦ νοητοῦ») и «до крайности неуловимым незаконным умозаключением» (λογισμῶ νόθῳ μόλις ληπτήν; у Платона: «αὐτὸ δὲ μετ’ ἀναισθησίας ἀπτὸν λογισμῶ τινὶ νόθῳ, μόγις πιστόν»), «само оно схватывается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, почти невероятного»). Все это из *Тимея* 51 a 7–b 2 и 52 b 2.¹ Далее Симпликий продолжает, пересказывая Порфирия или Модерата (по замечанию Доддса, поскольку Теон определяет число как τὸ ἐν νοητοῖς ποσόν (19, 15 Hiller), не лишено смысла предположение, что к нему восходят по крайней часть этого сообщения):

231, 15 Таково Количество, как он говорит, что же касается этой Формы, то, будучи постигнута умным образом посредством удаления принципа единства, она является моделью (парадигмой) для телесной материи, включающей в себя всякие логосы сущих, которая также называется Количеством пифагорейцами и Платоном, не количеством как формой, но количеством в смысле лишения, ослабления, протяженности, рассеяния и отклонения от бытия. Поэтому материя кажется злом, ведь она бежит от Блага. Однако она включена в последнее и ей

¹ См. Saffrey-Westerink 1974, xxxi. Правда ссылка указана ошибочно (51b).

не позволено преступить пределы, так как протяженность допускает логос формальной величины и определяется им, а рассеяние структурируется числовым разделением.

- 231,15 αὐτὴ δὲ ἡ ποσότης, φησί, καὶ τοῦτο τὸ εἶδος τὸ κατὰ στέρησιν τοῦ ἐνιαίου λόγου νοούμενον τοῦ πάντας τοὺς λόγους τῶν ὄντων ἐν ἑαυτῷ περιελιφότος παραδείγματά ἐστι τῆς τῶν σωμάτων ὕλης, ἦν καὶ αὐτὴν ποσὸν καὶ τοὺς Πυθαγορείους καὶ τὸν Πλάτωνα καλεῖν ἔλεγεν, οὐ τὸ ὡς εἶδος ποσόν, ἀλλὰ τὸ κατὰ στέρησιν καὶ παράλυσιν καὶ ἔκτασιν καὶ
- 20 διασπασμὸν καὶ διὰ τὴν ἀπὸ τοῦ ὄντος παράλλαξιν, δι' ἃ καὶ κακὸν δοκεῖ ἡ ὕλη ὡς τὸ ἀγαθὸν ἀποφεύγουσα. καὶ καταλαμβάνεται ὑπ' αὐτοῦ καὶ ἐξελεθεῖν τῶν ὄρων οὐ συγχωρεῖται, τῆς μὲν ἐκτάσεως τὸν τοῦ εἰδητικοῦ μεγέθους λόγον ἐπιδεχομένης καὶ τούτῳ ὀριζομένης, τοῦ δὲ διασπασμοῦ τῇ ἀριθμητικῇ διακρίσει εἰδοποιουμένου.

Определенная таким образом материя оказывается ничем иным, как чувственно воспринимаемой формой, уклоняющейся от умопостигаемого и падающей в несущее и т. д. Дальнейший текст ² характерно неоплатонический: в частности, упоминается важное для Порфирия понятие ὄγκος, «объем» (см. *Сентенцию 20* Порфирия; Месяц 2009). Анализ содержания этого фрагмента в связи с неопифагорейским толкованием *Парменида*, *Вторым письмом* Платона и в контексте среднего платонизма см. в следующих работах: Dodds 1928; Rist 1962, 1965a, 1965b; Saffrey–Westerink 1974; Tarrant 1992; Tornau 2000 и др. Несколько замечаний по этому поводу см. также в моем предисловии (разделы 1 и 3).

² [231, 23–37] ἔστιν οὖν ἡ ὕλη κατὰ τοῦτον τὸν λόγον οὐδὲν ἄλλο ἢ ἡ τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν πρὸς τὰ νοητὰ παράλλαξις παρατραπέντων ἐκεῖθεν καὶ πρὸς τὸ μὴ ὄν ὑποφερομένων. ὅτι γὰρ ἄλλος ἐστὶν ὁ ὄγκος ὁ τῶν αἰσθητῶν οἰκείος καὶ ἄλλο τὸ εἰδητικὸν μέγεθος, καὶ ἄλλος μὲν ὁ διασπασμὸς τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν, ἄλλη δὲ ἡ ἀριθμητικὴ διάκρισις, δηλον ἐκ τοῦ ἐκεῖνα μὲν λόγους εἶναι καὶ εἶδη ἀδιάστατά τε καὶ ἀμερίστα. καὶ γὰρ ὁ τοῦ τριπήχεος μεγέθους λόγος καὶ ὁ τῆς τριάδος ἀδιάστατός τε καὶ ἀμερῆς ἐστὶ καὶ ἀσώματος. ταῦτα μέντοι τὰ τῶν αἰσθητῶν οἰκεία ἄλογα καὶ σωματικὰ καὶ μεμερισμένα καὶ εἰς ὄγκον καὶ διασπασμὸν ὑπελθόντα διὰ τὴν εἰς γένεσιν καὶ εἰς τὸ ἔσχατον πρόοδον, ταῦτόν δὲ εἰπεῖν εἰς ὕλην. ὑποστάθμη γὰρ καὶ ὕλη ὄντως ἐστὶν αἰεὶ τὸ ἔσχατον. διὸ καὶ Αἰγύπτιοι τὴν τῆς πρώτης ζωῆς, ἦν ὕδωρ συμβολικῶς ἐκάλουν, ὑποστάθμην τὴν ὕλην ἔλεγον οἶον ἰλὺν τινα οὖσαν. καὶ ἐστὶν οἶον χώρα αὕτη [232, 1–6] τῶν γενητῶν τε καὶ αἰσθητῶν οὐκ εἰδός τι ἀφωρισμένον ὑπάρχον, ἀλλ' ὑποστάσεως κατάστημα, ὡσπερ τὸ ἀμερῆς καὶ ἀδιάστατον καὶ ἄυλον καὶ ὄντως ὄν καὶ τὰ τοιαῦτα κατάστημά ἐστι τῆς νοητῆς φύσεως, πάντων μὲν ὄντων τῶν εἰδῶν καὶ ἐκεῖ καὶ ἐνταῦθα, ἀλλ' ἐκεῖ μὲν ἀύλως, ἐνταῦθα δὲ ὕλικῶς, ταῦτόν δὲ εἰπεῖν, ἐκεῖ μὲν ἀμερίστως καὶ ἀληθῶς, ἐνταῦθα δὲ μεριστῶς καὶ σκιοειδῶς. διὸ καὶ ἕκαστον εἶδος ἐνταῦθα διέστη κατὰ τὴν ὕλικὴν διάστασιν.